
Глава 37

Хан Сиэнь видел суету Бай Чжи, но не удостоил её даже взглядом. Заметив его полное равнодушие, Би Хуа и Юнь Чжи тоже оставили служанку в покое.

Затем Сиэнь велел им выйти наружу и встать у входа, а сам вальяжно откинулся на скамье в беседке. Он отдавал распоряжения с таким безмятежным и расслабленным видом, словно и не произносил мгновение назад тех резких, не терпящих возражений слов.

Переведя взгляд на застывшую Хан Цинсюэ, он невозмутимо произнёс:

— Если старшая сестра не желает говорить со мной, не неволю. В конце концов, любые дела оставляют следы, верно?

На губах Хан Цинсюэ застыла вымученная улыбка. Жестом велел Бай Чжи удалиться, она села напротив брата и тихо спросила:

— Третий брат, на что ты намекаешь?

Сиэнь отвёл взгляд и небрежно продолжил:

— Да так, ни на что. Просто вспомнилось... Большинство людей в этом мире слепы к очевидному и вечно жаждут того, что им не принадлежит. Стоит дать волю этой жадности, как сразу становишься марионеткой в чужих руках — тебя легко подтолкнуть к пропасти сладкими речами. Вот взять, к примеру, младшую тётушку. Она старшая в роду, и я, конечно, должен её почитать. Но я не просто её племянник, я — законный наследник герцогского титула. В государстве есть законы, в семье — устав. Её попытка лишить меня жизни — это прямой вызов императорской власти. Его Величество в ярости, и когда придёт указ, каков бы ни был приговор, я вряд ли осмелюсь просить для неё о пощаде.

Хан Цинсюэ прекрасно понимала, что брат говорит о событиях прошлой ночи. У неё пересохло в горле, губы дрогнули, но она так и не смогла вымолвить ни слова. Поддержки она Сиэня — и слухи дойдут до старой госпожи, тогда её собственной жизни в поместье не позавидуешь. Но и спорить она не смела, ведь возражение выдало бы её с головой. Ей оставалось лишь беспомощно молчать в неловком оцепенении, пока тихие, но бьющие без промаха слова брата вонзались в её сердце.

В столице Хан Цинсюэ славилась среди благородных девиц своим умом, талантом и безупречными манерами. Её рассудительность и величавое спокойствие не раз отмечала даже её тётушка, добродетельная наложница Хан Юнь, благоволившая племяннице из глубин императорского дворца. Обычно Цинсюэ легко держала лицо в любом обществе, но сейчас, сталкиваясь с пронизательным, всё понимающим взглядом Сиэня, она чувствовала лишь удушающий, леденящий страх. Казалось, брату известно каждое её тайное деяние, и он просто выжидает момент, чтобы сорвать с неё маску благопристойности.

Пока она пребывала в смятении, издалека показался её родной брат, Хан Юэчжун. Будь его шаг чуть степеннее, а лицо не выдавало бы тайного раздражения и безмолвных проклятий в адрес Сиэня, тот, возможно, поверил бы, что юноша просто прогуливается. Сам Юэчжун и не подозревал, насколько очевидны его намерения. Заметив сестру наедине с Сиэнем, он притворно изумился, на миг застыв на месте, а затем уверенно направился к беседке. Актёрский талант у него был отменный — на театральных подмостках ему бы точно не нашлось равных.

Войдя в беседку, Хан Юэчжун тепло улыбнулся:

— О чём это вы так увлечённо беседуете с третьим братом, почтенная сестра? Да ещё с таким весёлым видом?

С тех пор как Хан Сиэнь сбросил оковы приличий, он питал искреннее восхищение к тем, кто умел лгать в глаза без тени смущения. Вот и сейчас он искренне восхитился Юэчжуном: надо иметь немалый талант, чтобы мысленно проклинать сестру за то, что та связалась с Сиэнем, и одновременно расточать столь радужные улыбки.

Хан Цинсюэ не испытала облегчения от появления брата, зато Сиэнь охотно подхватил разговор:

— Да так, болтаем о пустяках. Вот как раз вспомнили младшую тётушку. Если её признают виновной, её детям придётся несладко, особенно с устройством браков. Для девицы ведь репутация — сокровище. Стоит какому-нибудь мерзавцу заполучить её личную вещь вроде платка да пустить слух — и жизнь сгублена. Впрочем, о кузине позаботится бабушка, за неё беспокоиться нечего. А вот кузена Хэ Фаня жаль: изранен весь, бедняга, смотреть больно. Но в жизни всякое случается. Я ведь перед Его Величеством лукавить не умею, делюсь всеми тревогами. Что, если я невзначай обмолвлюсь о своей заботе, а Император в добром расположении духа возьмёт да и одарит Хэ Фаня высочайшим брачным указом? Глядишь, кузен устроится, да и тётушка перестанет винить меня в его несчастьях.

От этих слов лицо Хан Цинсюэ мгновенно утратило последние краски, а сердце сковал липкий ужас. Она прекрасно поняла скрытую угрозу Сиэня. Стоит ему мимоходом назвать её имя при дворе, и у Императора останется неприятный осадок. И когда добродетельная наложница Сянь-фэй решит просить государя о её браке с пятым принцем Цзи Хуаем, эта случайная тень разрушит все их честолюбивые планы.

Хан Юэчжун, сохранив самообладание, мягко улыбнулся. Не став отвечать на колкость, он проговорил с напускной строгостью:

— Третий брат, постыдись, ведь старшая сестра слушает. Нам, младшим, не пристало рассуждать о подобных вещах. Не ровен час, кто-то подслушает и очернит репутацию кузины.
— Повернувшись к сестре, чьё лицо по-прежнему оставалось мертвенно-бледным, он добавил:
— Сестра, я только что от матушки. Она повсюду ищет тебя: потеряла узоры для вышивки, что ты нарисовала для неё на днях, и просит зайти, чтобы набросать новые.

Хан Цинсюэ всей душой желала ухватиться за этот предлог и уйти, но под улыбочивым,

пронизывающим взглядом Сиэня ноги её словно налились свинцом.

Впрочем, удерживать её силой он не собирался.

— Если у старшей сестры дела, ступай, — приветливо прищурился Сиэнь. — Прости, что не провожаю.

С трудом выдавив вымученную улыбку, Хан Цинсюэ поднялась и поспешно скрылась из виду.

Оставшись наедине с Сиэнем, Хан Юэчжун посмотрел на его безмятежное, равнодушное лицо. Вспомнив, как отец с матерью всю прошлую ночь метались от тревоги и едва не поседели, он не сдержался:

— Третий брат, что бы ни происходило, мы остаёмся одной семьёй. Как ни крути, а в нашей фамилии Хань все черты общие. Твоя близость к трону приносит почёт всему нашему роду. Но ты действуешь очертя голову, не думая о последствиях. Задавался ли ты вопросом, что станет с тобой, когда иссякнет милость Его Величества?

Сиэнь выслушал это благочестивое наставление и разразился тихим смехом. Он смеялся так долго, что Юэчжун заерзал от неловкости, а у самого Сиэня от напряжения заныли глаза. Наконец он умолк и с нескрываемой насмешкой спросил:

— И с какого же позволения ты читаешь мне нотации?

Юэчжун растерялся. Сиэнь поднялся, подошёл к краю беседки и устремил взор на далёкий персиковый сад.

— С чего ты взял, будто фамилия Хань у всех одна? — не спеша заговорил он, словно рассуждая вслух. — Из нашего дома за долгие поколения вышли сотни людей. Сейчас родственные связи истончились, но по крови они всё те же Хань. И где они теперь? Кто-то купается в роскоши, а кто-то прозябает в нищете. Те, кто остаётся в герцогском поместье, — его истинные хозяева. А те, кто уходит за порог, со временем становятся лишь дальними родственниками из безликих усадеб. Так почему же ты считаешь, что мы равны? Или глупцам свойственно тянуть руки к тому, что им не принадлежит? На что вы уповаете? Неужели возомнили себя будущей роднёй императорского дома и решили вершить судьбу всего клана? Какая поразительная жадность... Ещё не достигли вершин, а уже предаётесь грёзам наяву. Не боитесь лишиться последнего стыда и стать посмешищем для всей столицы? Поистине, жалкое зрелище.

От этих безжалостных слов Хан Юэчжун вспыхнул до ушей. Но поскольку Сиэнь не назвал его по имени напрямую, а намёки граничили с государственной изменой, юноша не посмел бы признать свои притязания, даже если бы они занимали все его мысли. Стиснув кулаки, он попытался совладать с гневом, намереваясь сухо попрощаться, но не успел сделать и шага.

К беседке, запыхавшись, подбежал слуга Сиэня, Ань Цао. Лицо его сияло от радости.

— Наследник! — выпалил он, переводя дух. — Прибыл указ от матушки-императрицы! Вас

просят немедленно пожаловать для оглашения!

Сиэнь развернулся и вышел из беседки. Проходя мимо Юэчжуна, он даже не удостоил его взглядом. Оставшийся позади брат тяжело дышал, его глаза налились кровью от ярости и унижения, но он всё же пересилил себя и последовал за наследником.

Когда они добрались до главного зала, там уже собралось всё семейство Хань. Сиэнь окинул присутствующих быстрым взглядом: его тётушки, Хан Сю, среди них не было. Прекрасно понимая, какую уловку замысливает старая госпожа, он лишь мысленно усмехнулся, сохранив на лице маску полного безразличия.

Прибывший для оглашения воли главный управляющий евнух дворца Императрицы, Фуци, дождался появления Сиэня и развернул свиток.

Указ матушки-императрицы начался с сурового обличения Хан Сю. Её прямо обвинили в отсутствии женской добродетели, непочтительности и зломыслии. Наказание последовало незамедлительно: сто ударов по лицу, двадцать ударов палками и пожизненный запрет на получение жалованных титулов и грамот. Старой госпоже также досталось за дурное воспитание дочери, с наставлением впредь быть строже к домочадцам. Под конец Императрица ласково отозвалась о Хан Минчжу: посочувствовав, что та выросла на дикой границе и не знакома со столичным этикетом, Её Величество милостиво пожаловала ей двух дворцовых наставниц.

Эта воля государыни ложилась несмываемым пятном на весь род Хань. Отныне репутация семьи была безнадежно испорчена. Лишь для Хан Минчжу это обернулось благом: дворцовая похваластавляла её невинным цветком, выросшим на бесплодной почве, и надёжно ограждала от позора.

На самом деле из-за этого дела сам Император не спал всю ночь. Выпусти он государственный указ с обвинением Хан Сю в покушении на наследника, преступницу пришлось бы казнить на месте. Однако прямых улик против неё не было, всё основывалось лишь на словах Сиэня, и столь суровое решение суда не встретило бы понимания у знати. Но и спускать дело на тормозах правитель не желал. Поразмыслив, он тонко намекнул Императрице на свои чаяния, и та издала этот указ от своего имени. Как бы то ни было, государь полагал, что сполна поквитался за обиду своего любимца.

Закончив чтение, евнух Фуци смерил взглядом бледную, поникшую старую госпожу и едко осведомился своим высоким, визгливым голосом:

— И где же госпожа Хан-Хэ? Почему она не выходит принять указ? Уж не выказывает ли она тем самым пренебрежение к милости Её Величества?

Старая госпожа торопливо заговорила:

— Пощадите, уважаемый евнух! Дочь моя вчера упала в озеро, а к ночи у неё начался сильнейший жар. Она сейчас совсем без памяти, подняться с постели не в силах...

— О как? — лицо Фуци мгновенно потемнело. — Хотите сказать, сегодня преступница не явится понести кару? Уж не бунт ли это против императорской воли?

— Что вы, что вы! Ни в коем случае! — взмолилась старуха. — Сжальтесь, почтенный...

В этот момент вперёд выползли её внуки — Хэ Фань с наспех перевязанной головой и его сестра Хэ Юйчжу. Заливаясь слезами, девушка рухнула на колени перед евнухом:

— Моя матушка прикована к постели и не перенесёт наказания! Позвольте мне, недостойной дочери, принять удары вместо неё!

Хэ Фань, шмыгая носом, поспешил повторить её слова.

Именно эту уловку обитательницы внутренних покоев изобрели за долгую бессонную ночь. Будь это императорский указ — Хан Сю ждала бы неминуемая гибель. Но указ государыни, вынесенный без судебного разбирательства, оставлял лазейку.

Хан Сю была тяжело больна, и если бы её сейчас потащили на плаху, наказание превратилось бы в казнь, что шло вразрез с волей Императрицы. Жертвенность детей преследовала две цели: во-первых, создать им славу образцов сыновней почтительности, а во-вторых, поставить гонца в тупик — без прямого дозволения свыше тот не посмел бы перенести кару на других людей. За время, пока посланник запрашивал бы новые инструкции у дворца, Хан Сю успела бы явиться сама и со слезами на глазах заявить, что скорее умрёт под ударами, чем позволит страдать своим детям. После такой трогательной сцены государыне пришлось бы смягчить приговор ради сохранения собственного милосердного облика.

Старая госпожа надеялась разыграть привычную карту женских интриг, прикрывшись святым долгом сыновней почтительности. Однако она фатально ошиблась как в самом Фуци, так и в скрытом значении этого указа. Именно поэтому Хан Сиэнь едва сдерживал презрительную усмешку.

Случись подобное в обычное время, уловка могла бы сработать. Но этот указ был составлен со слов самого Императора. Государыня прекрасно понимала расстановку сил, а потому перед уходом лично наказала Фуци проследить, чтобы дело было доведено до конца любой ценой.

Благодаря Сиэню угасающий интерес Императора к законной супруге разгорелся вновь: государь стал чаще посещать её дворец и даже проявил заботу о судьбе их незамужней четвёртой принцессы. За это Императрица питала к юноше искреннюю признательность.

Потому Фуци, выслушав жалобы детей, лишь ехидно осклабился:

— Что ж, раз чада госпожи Хан-Хэ исполнены столь великой добродетели, я с радостью помогу им её проявить. — Он указал пальцем на побелевших кузенов: — Раз виновная не может предстать сама, пускай дочь разделит её участь. Начать наказание!

Хэ Юйчжу в ужасе вскинула голову, глупо приоткрыв рот от изумления. Когда суровые дворцовые стражники схватили её за плечи, она, заливаясь слезами, умоляюще посмотрела на бабушку.

Она отчаянно мотала головой, не в силах поверить в происходящее. Всё шло совсем не так, как уверяла старая госпожа! Ей ведь обещали, что эта безобидная сцена спасёт матушку и принесёт ей самой славу преданной дочери!

Старая госпожа беззвучно шевелила губами. Глядя на безжалостную решимость дворцовых слуг, она почернела лицом, признавая своё сокрушительное поражение. В душе она проклинала себя за глупость — нужно было силой вытащить Хан Сю с самого начала! Теперь же было слишком поздно.

Хэ Юйчжу скрутили и прижали к холодному полу. Широкоплечая, свирепого вида дворцовая матрона уже занесла руку для первой пощёчины, когда во двор, задыхаясь, вбежала сама Хан Сю.

— Прекратите! — истошно закричала она, падая на колени. — Стойте!

Фуци одарил старую госпожу презрительным взглядом и повернулся к пришельце:

— Надо же. А нам тут пели, будто вы при смерти и с постели подняться не можете.

Хан Сю в панике едва не ляпнула, что ей уже лучше, но старая госпожа предупреждающе закашляла. Опомнившись, тётушка торопливо затараторила:

— Смилуйтесь, уважаемый евнух! Вчера я действительно упала в ледяную воду и сильно простудилась, сам наследник тому свидетель! И лекарь подтвердит, что ночью у меня был сильный жар! Но услышав о высочайшем указе матушки-императрицы, я отринула немощь и поспешила явиться. Прошу вашего снисхождения за задержку!

Фуци выслушал её оправдания с каменным лицом и холодно процедил:

— А старый раб уж грешным делом подумал, будто вы притворяетесь, дабы выказать пренебрежение к воле государыни. Что ж, раз ваши преданные дети вызвались пострадать за мать, ответьте мне: сто ударов по лицу и двадцать палок — кому из них вы доверите понести наказание вместо себя? Сыну или дочери?

Хан Сю замерла, переводя взгляд с рыдающей на полу Хэ Юйчжу на покалеченного Хэ Фаня. Самой ей безумно не хотелось лечь под палки и подставлять лицо под удары, но и смотреть на муки собственных детей было невыносимо. Погружённая в свои трусливые метания, она совершенно не замечала отчаянных, полных ярости и предостережения взглядов, которые бросала на неё старая госпожа.